

Виктор Анатольевич Панов
(Царское село)

Поход в Ингрию П. М. Апраксина. 1702 год

Это значительное военное предприятие Великой Северной войны положило начало освобождению Ингрии после 90-летнего шведского господства. А за возвращение Приневья собственно и была объявлена война Швеции. Успешные действия войска воеводы ближнего окольного Петра Матвеевича Апраксина послужили затем непременным условием последующей осады и успешного взятия крепкого Орешка земли Ижерской (Нотеборга). Главное сражение на р. Ижоре стало одной из первых крупных побед в продолжительной войне, столь необходимой для поднятия боевого духа после Нарвской конфузии — первой в Ингрии. Отличает это военное событие оживленная переписка воеводы Апраксина и царя Петра с открытия, летней кампании 1702 г., особенно по ходу движения Апраксина за рубеж в Ингрию, а Петра I из Архангельска по государственной дороге. В краеведческом отношении поход Апраксина интересен первой яркой страницей истории ряда населенных пунктов (увы, многие из них давно лишь урочища) в том числе Царского Села (Сарской мызы), Колпино (Антеле). К ним можно добавить будущий Павловск, где на воротах крепости Бип на памятной доске получили отражение значительные события, происходившие здесь. Стало быть, ворота и отчасти сама крепость — редкий памятник великой войне.

Поход в Ингрию Апраксина в той или иной мере освещен в своих трудах историки и краеведы с начала XVIII в. до наших дней (среди них повествование автора, тогда еще не зрелое). И хотя, написано об этом не мало, тема далеко до конца не раскрыта.

В течение прошедших лет, постоянно возвращаясь к не решенным и дискуссионным вопросам, пытаюсь продвинуться дальше

в изучении, но сказывается не недостаток, прежде всего опубликованных шведских сведений подобных донесениям Апраксина (увы, до российских, как и до московских архивов, мне до сих пор не удалось добраться) поэтому пока для меня остается загадкой почему видные историки прошлого с командой помощников, консультангов, первоисточники обладающие большими возможностями, чем любители истории не приводят данных шведской стороны, не сообщают, имеются ли таковые в архивах вообще. Догадывайся сам, то ли их нет, или не искали, а, может, не искали. Пока же, несмотря на 300 лет тех памятных действий, в отечественных публикациях наблюдается односторонний взгляд, остается много не ясных моментов, по которым приходится строить версии, делать предположения. В тоже время, при изучении опубликованных документов сталкиваешься с множеством противоречий разрушающих эти построения. Это касается вопросов не существенных почти не затрагиваемых историками, но не дающих довольствоваться написанным местному любителю древностей, например пути следования, места боев и лагерей которые не уточняются (пару слов этому уделили Н. Волынский, А. Шарымов, А. Бенца и Б. Ипуш), есть вопросы участия отдельных полков из-за нестыковки архивных данных. По этим вопросам как историки прошлого, ничего утверждать не берусь, но имею, на сей счет аргументированные предположения. А прочтение источников у авторов разнится, много не обоснованных и без ссылок утверждений и домыслов. В справочниках прошлых столетий и наших дней данные деятельности Апраксина мало изучены, не проверены, порой курьезны. Оттуда, например можно почерпнуть об уничтожении 14 августа на берегах Ижоры десанта шведского генерала Кроннорта, когда дело было в июне на южном (русском) берегу Ладожского озера. Не редко Петра Апраксина и его службы путают с делами его брата Федора ближайшего соратника Петра I. Библиография такого рода изданий для широкого круга читателей не основывается на первоисточниках. Остановимся же только на рассуждениях известных военных историков, но прежде немного истории похода составленной согласно источников.

Воевода над пешими и конными полками (10 тысяч человек) в Старой Ладогге и на рубеже с Ингрией ближний окольный Петр Матвеевич Апраксин (43 лет) прошел с боями путь от Старой Ладогги до Сарской мызы, беря по ходу укрепленные посты на реках — порубежной Лаве, Назье, Мые (Мге), Тоспе, Ижоре, Славянке устроенные шведским генерал-майором бароном Абраамом Ларссеном Круннортом (Abraham Cronhjort) (68 лет), командующим корпусом (до 7 тысяч человек) в Ингрии расположенном в лагере у Дудоров-

ской мызы (Дудергоф), в Канцах (Шеншанц) и на постах. Накануне похода войско Апраксина взяли городок Паллолукишанцы на рубеже, затем Порецкую мызу на реке Назис, но только 1 августа двинулись дальше от Назии в Ижорскую землю. 10 августа приступом овладели городком на Тосне с 3 пушками, обратив в бегство 400 драгун. 13 августа на Ижоре войско Апраксина сошлось с конницей Кронинорт (4 тысячи), одержав верх в продолжительном сражении (5 часов), по обе стороны реки. После Ижорской баталии Апраксин встал на Ижоре обозом и две недели посылал конные и пешие партии на реки Славянку, Ижорку. Овладел великой Ижорской, Сарской, Антеле мызами. Кронинорт же с конницей побросав телеги с амуницией бежал к Канцам, ночевав по дороге в Сарской мызе. Вслед за ним там побывал и Апраксин со своей конницей. Вернувшись в Дудоровишину с подкреплением Кронинорт посылает под русское войско отборный конный отряд (600 человек). 26 августа близ Сарской мызы две наши пехотные роты, посланные в засаду на Славянку, обратили тот подъезд вспять. После чего Кронинорт, покинув Дудорово, переправился через Неву к Канцам, а Апраксин вернулся в свой прежний лагерь на Назию, ожидая подхода главных сил для предстоящей осады Нотеборга. Цель его похода была выполнена — Кронинорт отгеснен далеко от границы вглубь территории, собраны сведения, о его войске, об укреплении городов, их гарнизонах, числе пушек, о дорогах Канецких.

Отдельно следует рассматривать в составе войск Апраксина действия на Ладожском озере «плавного» отряда (750 человек) посаженного на гребные суда (карбасы, соймы). Базируясь на р. Волхов, этот отряд солдат-волгарей, имеющих навыки «плавных» походов, 15 июня сумел отбить высадку шведского десанта с флотилии на Ладожском озере вице-адмирала Гидеона фон Нуммерса (8 небольших судов-пхун, 600 человек команды). Дело было в устье р. Вороны на южном, русском берегу озера. Два судна были повреждены, в том числе флагманская бригантина «Джойя». Далее вместе с действиями войска Апраксина на суше развернулись ожесточенные бои на озере. Решающее сражение в районе Кексгольма с 6 шхунами окончилось разгромом шведской эскадры, остатки которой ушли под стены Нотеборга, а затем Невой в Финский залив. Победа в жестоком морском сражении (пал командир полковник Иван Тыртов) на водных просторах Ладоги, пожалуй, стоит более, чем виктории одержанные ранее на Чудском озере, а тем более в устьях рек и заслуживает восклицания «не бывалое бывает» не меньше чем при abordage в устье Невы. Кроме того «шавный караван», посланный воеводой для разорения Кексгольмского уезда прошел по течению р. Авлогы вглубь Карелии.

ского перешейка до мызы Матокса, пленив, ее обывателей во главе с мызником и вернулся с не малыми трофеями. Так удачными действиями на воде и на суше путь к крепостям на Неве стал открыт.

Как видим, общее соотношение сил противников на суше 10 : 7, куда меньше той обычной 3 : 1, при которой войска «России молодой» решались вступать в бой с едва ли не самой лучшей армией Европы. С учетом же не хватки мобильной и универсальной конной составляющей, особенно строевой и подавно. По ведомостям у Апраксина конницы; 700 драгун; 500 дворянской, да гетманского регимента черкасы — для вспомогательных целей, например, разорения местности, в чем и состоял их интерес — «в четку», и не в счет новгородские рейтары и копейщики: «пешие и строю ни какому не учены» — тыща с небольшим, всего около 2 тысяч человек на лошадях против 4,7 тысяч конных у шведов — словами Апраксина: «конницы и с половиной нет». А главное, на Ижоре 1,2 тысячи человек русской конницы противостояло — 4 тысячи человек шведской. По оценке Волынского и особенно Бобровского успех в сражении добыла именно конница?! Очень спорное суждение при таком соотношении. Мне видится, что именно подход пехоты обеспечил перевес сил, как случилось при Эрестфере, Гуммельсгофе, на Сестре. Бытующее, и по сей день мнение основанное на ошибочных данных Макарова о еще двух драгунских полках участвовавших в походе Апраксина развенчал Волынский в 1912 г., убедительно доказав, что эти полки Апраксин собрал из новгородской поместной конницы и рейтаров уже после взятия Нотеборга. Зато в полках пешего строя, у Апраксина с учетом без конных новгородцев насчитывалось до 8 тысяч человек, а у шведов только 2,2 тысячи солдат, и то в боях не участвовавших, тут явное преимущество. Отдельной артиллерией соперники не располагали, но каждому полку полагалось по несколько полевых пушек, т. е. у русских по подсчетам до 20, столько же у шведов до похода, а вот после боя у тех осталось 12. Так воинским промыслом наше войско пополнило свой парк артиллерии.

Для уяснения расстановки сил попытаемся сравнить войска противников. Полководцы: Кронинорт — имел за плечами больше военного опыта, командовал полком драгун еще в тяжелой войне с Данией 1670-х гг., в 1696 г. начальствовал над губерниями в Финляндии, в начале войны укрепил оборону Ингрии и находился уже в весьма преклонных годах; Апраксин — командовал отрядом при взятии Азова в 1695 г., воеводствовал в Пскове, позже в Новгороде 1697–1699 гг., а по годам мог быть и под Чигириним 1670-х гг. И здесь находим сходство. Оба более сноровки проявили на граждан-

ской, нежели на военной деятельности. Полки шведского и русского войска в Ингрии по боевым качествам также можно уравнивать. Среди них не было гвардейских или приравненных к ним подразделений, но были старого прибора, лучше обученные: у шведов из 13 таких 5 полков (4 конные и 1 пехотный), среди них выделяются лифляндские рейтары Тизенгаузена и Врангеля (знатных ливонских родов, как и Крониорт); у русских, прежде всего, два старых московских выписных стрелецких полка, «новгородцы и московские чины соотечественной службы из гусар», драгунский полк А. Малины набранный исключительно из дворянских недорослей, единственный при формировании отмеченный литаврами и «добрые» солдатские полки. Многие с той и другой стороны сражались под Нарвой, затем в боях на рубеже. Национальный состав корпуса Крониорта: пехота и конница почти вся финская, но как отмечено два полка рейтар лифляндские, «сборный новый с мыз» полк рейтар, вероятно ингерманландский, как возможно и некоторые иные полки и драгунский полк Браккеля генеральства О. Веллинга прибыл из Эстляндии. Рекруты были поселенные, видимо, не первой очереди, а значит и боеготовности (кроме лифляндских и старых), и вербованные. Все Крониортовы полки батальонного состава, что тоже говорит о наборе их в заморских провинциях. На Ладого в команде Нуммерса из 600 — 200 человек составляли пасмные голландцы, остальные ниеншанцкие жители.

Полки воеводы Апраксина набирались в разных областях России: новгородцы, москвичи, волгары... Командирами, старшими офицерами шведских полков в прибалтике традиционно являлись прибалтийские немецкие дворяне, но в виду их нества и из других провинций; и в половине полков Апраксина начальствовали наемные иноземные дворяне. Крониорта и особенно Апраксина не устраивали состав и число их рагных людей. Оба просили пополнения, но так и не дождались. В целом боевые качества войск, их начальных людей и самих руководителей мне представляются равными. В тоже время поставленные перед Апраксиным задачи даже были перевыполнены, чего не ожидали в штабе Петра I. Крониорт же не сумел воспользоваться перевесом конницы обладающей большей маневренностью, а в сражении на Ижоре сказалось отсутствие пехоты «к тому бою не поспевшей» и стойкости. Потери шведов на Ижоре составили 500 человек; в баталии на озере — 300 человек; во всех боях примерно по 1 тысяча человек. Наши потери, как правило, не уточняются, но, думаю, в баталиях на Ладого и на Ижоре полегло немало. На обоюдный исход, помимо боязни усиления противника повлияло и то, что у войска Апраксина к концу августа хлебные и кормовые припасы, вы-

тые в Ладого не сполна — из-за нужды в подводах и лошадях — иссякли, а местность на 20 верст была уже к тому времени окормлена и опустошена на многие мили. По сведениям пленного драгуна взятого в последнем бою и в шведском лагере в Дудоровичине продовольственный вопрос тоже был насущным, и те и другие, получается, нуждались в пополнении съестным не менее, чем людьми.

Многие историки оценивая «поход Апраксина» акцентируют внимание не на достигнутом, а на развоёванной местности, вопреки воле царя Петра. «Неприятельские же их жилища, многие мызы великие и всякие селения развоёвал и разорил без остатка» — хвалился Апраксин, получив выговор: «что по дороге разорено, то не зело приятно нам о чем словесно говорено и в статьях положено, чтобы не трогать, а разорять или брать лучше города, нежели деревни которые, малого сопротивления не имеют, а только своим беспокойство...» (в статьях «удобство земли да соблюдется») оправдывается: «мыз и деревень по дороге было редко и не много и в них нужды по ходу нашим войскам не было, а если люди не только служилые и латыши были б в них непрестанно и нашим бы в проезде был излишний труд. А сжены государь мызы близ Невы и по обе стороны дороги не в ближних местах и тем неприятелям есть великая теснота в хлебных и конских кормах... и в земле их пристанища им мало будет... и в оевнь война их будет бессильна. А от Сарской мызы к Капцам и их Дудоровской великой мызе нашим войскам будет нужда, жечь ни чего не велел». Г. Тимченко-Рубан самый жесткий критик действий Апраксина считал, что доводы воеводы не убедительны — перечисленные селения находились в руках шведов и их окрестности не могли быть разорены Апраксиным даже при желании, а разорение собственного тыла из опасений обхода противником, мало доступного, даже по местным условиям, мера сомнительного достоинства. Однако как видно из краткого новествования Сарскую мызу и окрестности нынешнего Колпино отряд Апраксина контролировал, а по Неве не дошел до Капец 2 мили, т. е. достиг устья реки Славянки. Сомневаюсь на счет обхода, но ни кто не препятствовал шведам ударить с тыла со стороны Нотеборга, если бы шведы нашли резервы в Ниене, Выборге, Кексгольме. К счастью, гарнизоны этих городов едва ли могли выделить строевые части для удара с тыла, без ущерба собственной обороны, но можно было собрать ландмилицию из сельского населения. И надо сказать шведы спешно готовили местное ополчение, как отмечали наши полководцы настронное антироссийски. Это были лютеранского вероисповедания и мировоззрения шведско-подданные западные карелы, переведенные в здешние края вместо

православного толка карел и ижер, покинувших родные места с русским отрядом в войну 1656–1658 гг. — предтечу Великой Северной. Так называемые «латыши» или еще более уничтожительно «схуива» нападали исподтишка, в основном ради наживы, на тянувшиеся через лесные чащи и болота обозы, подкарауливали гонцов. Такого рода партизанские отряды орудовали еще десяток лет спустя, на «вновь завоеванных землях» особенно в глухих «не ближних» от Невы местах. В Ореховском лене по дорогам которого совершался поход к 1695 г. православных дворов осталось всего 7,5 %.

Тактика «выжженной земли» примененная Апраксиным характерный способ ведения войны того времени, причем не только на территории противника, суть которой не дать неприятелю собраться войском, в данном случае между Орехом и Канцами. До последнего момента Апраксин не знал о планах верховного командования, державшихся в строжайшей тайне. В статьях Петр I не случайно оставляет вопрос воеводы: «под города неприятельские, если возможно будет идти ли и посылать, и промысел есть ли способ добрый будет, чинить ли?» без ответа и только по ходу дела, смотря на успешное взятие городков, замечает — «разорять или брать лучше города». Однако для осады крепостей войско Апраксина не готовили и лишь при удачном развитии событий, огласили тайный умысел осадить крепость Орехок и Канцы на Неве. В последнем, перед встречей, письме из штаба, Апраксину приказывается отойти за Назию, разведать и подготовив для движения войск под Канцы дорогу вдоль Невы.

Другой спорный вопрос. Тот же историк, проигнорировав сведения Апраксина, писал, что сражения на р. Ижоре не было и «Крониорт уstraшеный известиями о движении на него 40 тысячного русского войска не решился вступить в бой и спешно отступил от реки Ижоры на мызу Сарскую». Ему вторил М. Бородин и современные писатели, ссылаясь на то, что Апраксин вернулся туда откуда пришел, т. е. эти авторы по существу высказали сомнения в достоверности реляций Апраксина с места событий, не говоря уже о его воспоминаниях. Выскажу свое суждение по этому поводу. Можно сомневаться в некоторых цифрах говорящих о численном соотношении сил, потерях своих и противника в интерпретации произошедшего сражения. Другое дело ставить под сомнение было оно или не было. Мог ли Апраксин, его дьяк и просто ратные люди сговорившись исказить картину решающего исхода похода боя как, например, из карьерных побуждений делал В. Шлиппенбах, приписав ряд сражений в Лифляндии себе в актив? Тогда его конница бежала с поля боя под напором превосходивших сил Б. Шереметева, а большое русское

войско, разорив, как полагалось, прилегающие окрестности также с достоинством удалилось. В нашем, схожем, случае войско Апраксина «одержав поле» простояло на Ижоре лагерем еще две недели, ожидая подкрепления и дальнейших указаний. Составляя в 1720 г. для истории «Журнал шведских служб» Апраксин отметил «как мог упомянуть», а вернее сказано в послужных списках и полковых делах посланных в военный разряд. Апраксин не упомянул, тогда о победах в боях, одержанных на р. Лаве, Назие, Тосне, близ Сарской мызы, но не забыл о главном сражении на р. Ижоре, уточнив, что ему противостоял генерал Крониорт с конницей, а пехота к тому бою не поспела, остановившись на р. Славянке. А ведь мог и позабыть об этом обстоятельстве и кто б его в том упрекнул, спустя столько лет. Там же Апраксин добавляет о посланном им конном отряде к Канцам, об отходе Крониорта оттуда, о разбитой караульной роте, взятых языках. Эти сведения из «Журнала» Апраксина Г. Тимченко-Рубан также, не брал в расчет, считая их ложными. В достоверности этих воспоминаний, конечно, можно усомниться, поскольку такие детали отсутствуют в донесениях 1702 г., но здесь Апраксин, очевидно, упустил, что полки под Канцы были позже, во время и после осады Нотеборга. На лицо, не которое смещение по времени характерное для воспоминаний. Так обстоит дело с писанием почти 20-летней давности не личное орехов. Возвращаясь к вопросу о достоверности донесений 1702 г. пойдем от обратного. Помня о тенденциозности Шлиппенбаха допустим, что Апраксин «со товарищи» отважился ввести в заблуждение командование столь возрадовавшиеся узнав со слов «нарочитого» гонца, участника сражения «о великом, троекратном, чрез многие такие великие переправы учинившимся бое». Однако такой вопиющий обман мог легко вскрыться в последствии проболтайся кто-либо напароком и тогда расплата неминуема.

Для справки. П. М. Апраксин, как и Б. П. Шереметев, хоть и считались сторонниками Петра I, но оставались все же людьми старой еще допетровской закваски, может быть, потому и не были на дружеской ноге с Петром и его компанией, не пользовались доверием и расположением в его кругу. Командовать войском в Ладогe Петра Апраксина назначили из за серьезных кадровых проблем после Нарвы, где он был волонтером, и учитывая его воеводство в Новгороде 1697–1699 гг. В целом пять «Свейских» походов Апраксина 1701–1705 гг. можно оценить как успешные — были нарекания от Петра I, но похвал было больше, среди них за победу на Ижоре. Тем не менее, продвигать по службе Петра Апраксина царь Петр не спешил, даже наоборот. Несмотря на челобитные он долго оставался по-старин-

ному воеводой, а не генералом, боярином, и не графом, а только позже сие достоинство унаследовал от брата, не имевшего потомства. Губернатором взамен воеводы он стал не сразу как получил в управление богатое Поволжье, а лишь по учреждению губерний в 1710 г. (до того уже были губернаторы — А. Меншиков в Ингрии, Ф. Апраксин в Азове), зато по делу царевича Алексея его привлекли незамедлительно. Имея явные заслуги на чиновничьем поприще губернатор Казани и даже Петербурга, учредитель и первый президент коллегий — коммерческой и юридической он до конца царствия Петра I оставался действительным статским советником и это, конечно, приносило его достоинство по сравнению со сверстниками. Воеводой он придерживался тактики медления, как и Шереметев, и, как видим, имел амбиции — постоянно выступая просителем, подобающих его заслугам чинов, придерживался православных обычаев. И все же, при своем немалом достоинстве и положении в обществе и отличие от младних братьев, сестры, сослуживцев не оставил для истории своего портрета, что тогда уже становилось должным.

Завершая свои рассуждения, полагаю невероятной подобную фабрикацию, перечеркивающую всю дальнейшую карьеру Апраксина, не помогло бы, в противном случае и заступничество Федора — раз оберегавшего брата от гнева царя, не терпящего неправды, да и согласно своим убеждениям «раб Божий» убоился бы Божьей карой. Но самым веским доводом, подтверждающим ведомости Апраксина, остаются сказки участников тех боев всяких чинов из разных полков.

Немного о том, в какие цвета были окрашены поля кровавых сражений. Прибалтийские и финские поселенные полки, особенно третьей очереди, считающиеся менее боеспособными, чем такие же шведские, снабжались и одевались соответственно в серые сермяжные кафтаны с светло-синим прибором, офицеры вербованных в этих землях за счет казны полков носили белые кафтаны. Есть сведения о том, что в 1702 г. драгунский и пехотный полки получили на смелу серым — синие с желтым приборным цветом мундиры, как у большинства шведских коронных полков, но те были скорее при шее за пределами Ингрии. Войска Апраксина в Ингрии в пору переодевания в иноземное платье выглядели довольно разномастно. Волею Петра I вернувшегося из-за границы с новыми впечатлениями, старым и большому числу вновь формируемых полков надлежало теперь носить восточноевропейскую одежду нового венгерского образца, шившуюся всего несколько лет, до конца 1701 г., но нововведение, прежде всего, коснулось приближенной к царю, лейб-гвардии, затем, в соответствии с новым циркуляром ей надлежало перейти на ноне

ние западно-европейского мундира, который подготовили для торжественного шествия в столице по поводу взятия Нотеборга, полное же переодевание гвардии произошло лишь в 1703 г. С тех лет и по сей день по желанию заказчика, так принято изображать гвардию при осаде Нотеборга. В войске Шереметева и тем более Апраксина таковых не наблюдалось. Набранные к предстоящей войне и снова переформированные после Нарвы полки данные Апраксину в команду, не могли обеспечить цветным дорогостоящим венгерским платьем как гвардию. Скорее всего, у них в ходу были те же походные как у стрельцов из сермяжного некрашеного сукна кафтаны, без нашивок и отделки. Дворянская конница, вернее ее состоятельные господа — помещики, конечно, обновляли, но изменяли ли прежнее служилое платье? Составленный в 1705 г. из служивых чинов выборной дворянской роты и казаков новгородского разряда драгунский полк князя П. Путятина имел те же серые сермяжные кафтаны. Думаю, и распущенные было, стрельцы остались в прежнем наряде, может быть, несколько укоротив согласно новым веяниям свой кафтан, опять же серый походный. Черкасы, как донские и иных областей казаки, татары, калмыки и прочие обособленные отряды прибывали в своей самобытной одежде. Иноземные офицеры отличались своими западно-европейскими мундирами. В общем, во время боя среди дыма и огня на фоне серых в массе своей кафтанов — с одной стороны черпели треуголки, с другой пестрели разноцветные колпаки с меховой опушкой. Тогда еще, в пылу сражения по этим «шапошным» признакам шведов с русскими внешне было не спутать и не обмануться, как под Нарвой в 1704 г. Были еще и такие непеременимые, отличительные черты каждого полка как сотенные или ротные знамена, у шведов цветов провинций с гербами; в наших полках различались разного цвета крестовые знамена: с каймой у стрельцов, без нее — у солдат, с хвостами — у драгун, такие, что достались шведам под Нарвой. Сражение первых лет войны искусно изобразил из шведского стана под Нарвой голландский художник Р. де Гоогте («Сражение под Нарвой 1700 г.»). Эта гравюра редкий образец детально и достоверно отображающий восточно-европейскую одежду свойственную русскому воинству в те годы. На ней в свите шведского короля Карла XII запечатлены бароны Врангель и Тизенгаузен.

Возвращаясь к важному для краеведов вопросу, где именно. Решая эту нелегкую задачу можно не только уточнить путь движения войск от Ладоги, а точнее от рубежа на р. Лаве, но и вместе с тем выявить, где пролетали канецкие дороги не раз упоминаемые в донесениях Апраксина и запечатленные на рукописном чертеже (см.: Исто-

рико-географический атлас Петербурга — Ленинграда. Л., 1957. С. 4-5), а значит, определить вероятные места боев, лагерей, городков.

Обремененное обозом войско могло следовать лишь по проезжим дорогам, сражаться с противником только на открытой местности — поле боя, отсюда выражение — «одержать поле», также и укрепленные посты — городки тормозящие продвижение неприятеля, устраивались рядом с путями сообщения возле переправ через реки — естественные водные преграды, с затрудняющими подступы высокими, еще лучше отвесными берегами.

На картах XVII–XVIII вв. показаны большие торговые пути, и даже некоторые проселочные дороги: прежде всего, известный издревле торговый маршрут от Ладogi к Орешку и далее за Неву к Кореле и Выборгу с ответвлением к Невскому Устью — Нисну. Позже от Нисеншпанского перевоза мимо Дудоровской мызы через Кошорье, Ямгород к Ругодиву — Нарве шведы проложили новый торговый тракт, но где те канецкие дороги которые не раз упоминал по ходу следования Апраксин? Не потому ли в их существовании до сих пор, сомневаются не которые известные историки и краеведы. Хотя наглядным тому подтверждением давно служит «Чертеж города Нотебурга и окрестных земель». В аннотации к нему, говорится: примитивно выполненный рисовальщиком самоучкой, надписанный русским полууставом, названный по-французски — рукой иностранца из свиты Петра I. На рисунке, очевидно, военного назначения показаны стратегические, лесные дороги, ведущие на канецкий перевоз: «дорога лесом от Орешка близко берега вниз по Неве» и «дорога большая канецкая к Неве реке на перевоз» ответвляющая от «большой дороги от Ладogi к Орешку». Перевоз через Неву показан под защитой «табора шведского» и шанцев с подпятами жерлами орудий. В положении «покоя» находятся с убранными парусами сторожевые суда у Орешка и Канцев. Отсутствие войсковых соединений. Все это, по мнению рецензентов, говорит о том, что план можно датировать сентябрем–октябрем 1702 г.

Дороги — это по части генерал-майора Абраама Кроншюрта — фортефикатора, кроме прочего. Укреплением обороны Невских шанцев, он занялся еще до начала войны, а назначенный командовать полевым войском в Ингрии, активно включился в эту работу: построив шанцы на перевозе по левую сторону Невы, а на правой возвел вал перед Нисеншпанцем. Со стороны Орешка проложил дороги от Канецкого перевоза к рубежу ижорской стороной: одну вдоль берега Невы и так называемую большую, дальше от Невы в глубине территории, выходящую на старую, основную дорогу к Ладogi. От рубежа к не-ским Канцам преграждающие дороги реки Кроншюрт усталил поста-

ми, а в некоторых местах самой природой уготованных оберегать устроил городки как на Тосне. В наказной росписи 1701 г. (сведения не позднее лета 1700 г.) старого пути из Ладogi к Орешку и за Неву по правой карельской стороне до Канцев новгородские дворяне с князем Мышецким, через чьи владения та пролегла, ни словом не обмолвились о левобережных канецких дорогах. Следовательно, до старого пути из Ладogi Кроншюрт проложил их к лету 1701 г. как того давно требовала обстановка на рубеже с Ингрией. Поэтому, видимо и не оказалось их на картах, выполненных раньше того времени. После участки этих дорог легли в основу будущих современных, равно как и тогда Кроншюрт для быстроты прокладки дорог военного времени использовал старые, избитые, заброшенные и проселочные.

Есть основания полагать, что примитивный, неумелой рукой сделанный рисунок, появился накануне осады крепостей на Неве (а интересовали и подходы к Канцам) в воеводской избе лагеря Апраксина на Назие 13 сентября, когда туда для осмотра Нотеборга прибыли генерал-майор И. Чамберс и генерал-инженер Ж. Г. Ламбер де Герен, видимо, и озаглавивший документ по-французски. В тоже время кому, как не Апраксину и его сослуживцам, судя по надписям — русским, прошедшим этими дорогами лучше представлять их проходческие (при сличении почерков можно точно установить, чьей рукой сделаны надписи и заголовки).

Литература:

- Беспалов А. В. Северная война Карла XII и шведская армия. Путь от Копенгагена до Переволочны 1700–1709. М., 1998.
- Бородкин М. История Финляндии. СПб., 1910.
- Васильев А. Сехота шведской армии Карла XII под Полтавой // Орел. 1992. № 1.
- Вольский Н. И. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Петра Великого с самым подробным описанием участия в Великой Северной войне. Вып. 1. 1698–1706 гг. СПб., 1912. Кн. 1; Кн. 3. Руководителем Санкт-Петербурга. СПб., 2003.
- Вольский И. История 85-го пехотного Выборгского полка. Вып. 1. СПб., 1900.
- Гулевич С. А. История 8-го Сехотного Эстляндского полка. СПб., 1911.
- Журнал или Поденная записка императора Петра Великого. Ч. 1. СПб. 1770.
- Журнал шведских служб Петра Апраксина // Эрмитажное собрание рукописей. № 529.
- Историко-географический атлас Петербурга — Ленинграда. Л., 1957.
- Летов С. Гвардия Петра Великого 1702–1725 годов // Орел. 1992. № 1.
- Матвеев К. Шведские Ингерманландские полки // Inkerin uutiset. 1991.
- Панов В. А. «Свейский поход Петра Матвеевича Апраксина в Ингрию в 1702 г. // Петербургские чтения—96. СПб., 1996.
- Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 2 (1702–1703). СПб., 1898.
- Рабинович М. Д. Полки Петровской армии 1698–1725 гг.: Краткий справочник. М., 1977.
- Тамшетько-Рубан Г. И. Первые годы Петербурга. СПб., 1901.
- Шарьмов А. Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год. Кн. 1. СПб. 2004.